

УДК 37.015.31

DOI: 10.54158/27132838\_2021\_1\_54

**ВОЗМОЖНОСТИ  
КООРДИНАЦИОННОЙ  
ПСИХОЛОГИИ В ДИДАКТИКЕ  
АВТОРСКОЙ СКАЗКИ****THE POSSIBILITIES OF  
COORDINATION PSYCHOLOGY IN  
THE DIDACTICS OF THE AUTHOR'S  
TALE**

*Терентьев А.А.,  
старший методист,  
БОУ ДО г. Омска «Центр развития  
детей и юношества «Амурский»,  
г. Омск, Россия*

*Terentev A.A.,  
senior methodologist,  
BOU DO Omsk «The center for the  
development of children and youth  
«Amursky»,  
Omsk, Russia*

**Аннотация:**

*В статье рассматриваются возможности авторской сказки как инструмента психокоррекции. Особое внимание уделяется законам и принципам построения авторской сказки, приемам конструирования жизненных моделей.*

**Summary:**

*The article discusses the possibilities of the author's tale as a tool for psychocorrection. Special attention is paid to the laws and principles of constructing the author's fairy tale by the method of constructing life models.*

**Ключевые слова:** *протоформы, протовзгляды, авторская сказка, конструирования жизненных моделей, технология кроссенс*

**Keywords:** *platforms, proto views, author's tale, construction of life models, crosssens technology*

Сказка является отражением знания о психотехнологиях поиска выхода из проблемной ситуации и личностно-ценностной трансформации. Основные сказочные сюжеты связаны с важнейшими ритуалами жизненного цикла человека, которые лишь внешне изменившись, по сути своей остаются всегда одними и теми же, архетипическими технологиями взросления. Это позволяет сказкам не терять актуальности и в современное время: преемственность сюжетов и скрытых в них мистерий и иницирующих психотехнологиях позволяет сказке жить вне времени и благодаря своим законам (закон восхождения от несчастья к счастью, закон сказочной справедливости, закон превосходной степени и наибольшего контраста, закон всесильного желания и

слова, закон троекратности) воздействовать на сохранение или восстановление внутренней гармонии, особенно это важно при деструктивном поведении детей.

В этом смысле сказка близка принципам координационной психологии с её задачами изучения новых путей и возможностей оздоровления и развития человека, формирование нового координационного мышления и координационной культуры личности и общества.

Так, любое сказочное событие представляет собой упорядоченную, развивающую и развивающуюся серию «потерь» и «приобретений», связываемых с действиями героев, превращающих ее в сложную многоэтапную иерархическую структуру, основу которой составляет противопоставление предварительного испытания основному. Вместе с тем, будучи «микрокосмом» смыслов, которыми обладает этнос, и которые он отражает в мифах – «макрокосмах», сказка позволяет человеку решать текущие вопросы и проблемы, выбирая из множества фокусов мифа один, важный для себя, как центральный: иерархия событий сказки есть иерархия личного выбора героя [1]. Сказка при этом отражает то, насколько герой ориентируется на иерархию или живет в пространстве множественных, избыточных смыслов, выборов и подчас рискованных «свобод», к которым относится и свобода быть собой, свобода жить, дружить, враждовать, быть одиноким или жить в семье, быть счастливым или несчастным.

Когда-то давным-давно была произнесена фраза Ж. Пеше, ставшая крылатой «Всё новое – это хорошо забытое старое». Эта фраза прочно вошла в жизнь не одного народа, и не одного времени. Так, те же слова можно произнести в частности, когда заходит разговор, а подчас и горячий спор, что такое сказка, где у неё начало и есть ли у неё продолжение в современности. Без всякого сомнения, жанр сказки в наше время претерпевает новое рождение.

Сказка, имея древнейшие корни мифа, проходя через былички и небывальщины, сказы и былины, подвергаясь зашифровке и двойным, а то и тройным смыслам, дошла до нашего времени [2]. И как итог наравне с ней в сказкосистеме появляется ещё один жанр – авторская сказка. Природа авторской сказки раскрывается в сравнительной взаимосвязи её с культурным предшественником, в основе которого были игра и миф. Любой автор, воспитанный на классических сказках, может легко поймать себя на том, что в некоторых моментах он не просто берёт сказочные обороты, известные с детства, но при этом вкладывает уже свои «бытовые» и/или «эзотерические» смыслы в слова и дела самой сказки [3]. Поэтому так важно – бережное и вдумчивое отношение к сказке, ее многослойности и многоаспектности. Однако авторская сказка выражает и авторское мировоззрение, предполагающее собственный способ решения проблемной ситуации.

Сказка, без сомнений, служит нравственным ориентиром для того, кто живёт миром сказки. Ребёнок, услышав единожды сказку, уже не сможет воспринимать мир без неё, потому как всю жизнь с ним будут образы, герои, сюжеты. И в детстве, и во взрослой жизни мы часто опираемся на опыт сказок, соотнося архетипичные поступки со своими. Мы вместе с детьми примеряем на себя ту или иную роль персонажа сказки, и проживаем эту сказочную жизнь всякий раз, когда оказываемся в аналогичной ситуации.

Авторская сказка позволяет расширить рамки восприятия ребёнком действительности.

Авторские сказки не только несут тот же заряд человеческих протоформ и протовзглядов, что и многие века назад, но и без сомнения воспитательную функцию, а также толковое слово, сильный пример, или же яркий образ, адекватный современному мировоззрению [4]. Мудрость, передающаяся через острую мысль, тоже востребована, она идёт на выручку детям, становясь

проводником, новым интерпретатором древних сказок и преданий с их глубинным смыслом выбора приемлемого поведения.

Например, сборник «Родовые сказки» (автор А.А. Терентьев) является попыткой синтезировать и объединить, все сколько-то значимые упоминания о великанах в единый псевдоэпос. Это попытка создать целый мир: историю рода великанов, их культуру, традиции и обычаи, должна привести к обращению и вниманию молодого поколения к уже существующим мирам собственного народа, рода, семьи. Читающий должен задуматься о том, что имеет его род, чем интересны родичи, чем и кем можно гордиться, и, возможно, рационально использовать опыт своих предков и в своей жизни, как это происходит в великаньем племени. Отмечу, что при написании псевдоэпоса использовался сказочно-былинный стиль, так характерный для русских сказок и преданий.

Великанье племя неоднородное, есть среди них и оседлые, есть и пассионарии. Великаны, что своим ростом могут быть «выше леса стоячего, ниже облака ходячего», имеют сердца, которые любят и ненавидят, могут испытывать гнев и радость, сострадание и милосердие. А также имеют своё видение о справедливости и мироустройстве.

Есть в этом псевдоэпосе и явный трикстер (Морк), способный переполющить все миры, и, используя свой дар, завоёвывать, казнить, миловать, создавать империю, и потом самому пасть перед большой силой в этой вселенной. Но перед любовью даже сильнейший колдун и чёрный маг, пред которым трепещет вся земля, оказывается бессильным и способным сделать свой выбор не под властью обстоятельств, а по собственному почину в сторону светлого и доброго миропорядка. Идея в том – что всё можно изменить и измениться самому является главенствующей в цикле этих сказок.

Следовательно, честь, долг, мужество, любовь в псевдоэпосе «Родовые сказки» представляются как универсальные ценности, создают ту неповторимую

атмосферу, при которой герои выступают мудрыми и добрыми, сильными и толковыми, человечными, отзывчивыми к чужому горю и не только к людскому по своему убеждению, подчиняясь установке на гармоничное поведение.

Дети 10-11 лет, участники образовательной общеразвивающей программы «Сказочная котомка», приходя на занятия, ищут, прежде всего, возможности реализации своих желаний – писать сказки. Но ситуация меняется, когда школьники понимают, что им нравится творить миры и пространства, управлять своими героями по своему разумению. При этом процедура конструирования жизненных моделей ребёнком в авторской сказке характеризуется как непосредственное позиционирование собственного существования, осмысление себя и своего поступка посредством художественной логики сказки, эмоционально-оценочных, символически-ассоциативных языковых средств. Дети, выступая авторами своих сказок, также придерживаются идеи координации действий героя под влиянием собственного духовного роста и выбора приемлемого, правильного для ситуации действия. Для поиска героев и сказочных событий мы используем ментальные или метафорические карты, технологию активно применяемую сказкотерапией. Наш поиск мы подкрепляем и технологией кроссенс, позволяющей обнаружить связи между картинками на картах. Выбор карты определяет психологическое состояние ребёнка, поэтому в ходе таких занятий нередко эпизодические откровения детей: они могут рассказать о своих неудачах в семье и школе. Но необходимо отметить и тот факт, что дети свои переживания оставляют при себе, кодируют их, и только в сказке появляется сильный герой, который идёт через все преграды к своей цели.

Мне хотелось бы поделиться свершениями юных писателей, участников литературной мастерской «Сказочная котомка», руководителем которой я и

являюсь. Мы с детьми не только оттачиваем литературный талант, но и пытаемся через сказку координировать собственное поведение, которое содержит установку: любое событие в жизни нужно умело рассматривать как позитивное.

Так, в «Сказке про Лентяя» Джафаров Дмитрий пишет: *«Тут вся лень у него вмиг улетучилась. Руками забил, да из ледяной воды другим человеком вылез. Домой сам прибежал да мать за урок поблагодарил. Людям честным в пояс поклонился. Да по-другому стал жить. Стал он трудиться. Был лентяй, да весь вышел. Вот и сказка вся, да урок из неё каждый свой извлечёт»*. Да, над героем пошутили, его сбросили в воду, но он мог бы только затаить обиду на насмешников, однако, обратите внимание, лентяй благодарит за урок, просит прощения да начинает жизнь труженика.

В сказке «Верный друг» Калюжный Роман своего героя, мальчика по имени Иван, ставит в ситуацию серьёзного поступка, как считает, автор, смелого поступка. Мальчик не только заботится о друге в лесу, он понимает, что необходим лесному зайцу суровой зимой, поэтому берёт на себя ответственность за судьбу друга, договаривается с родителями и приносит домой питомца: *«А уж когда выпал большой снег, он приютил своего верного друга, принеся его домой и делясь с ним сладкой морковкой. Иван был очень рад, и иногда приносил его к себе в кровать, прижимал к сердцу как когда-то в лесу, и они вместе засыпали. Не было более верных друзей, чем мальчик Иван и его лесной заяц»*.

Ещё одна трансформация в поведении и мировоззрении героя происходит в сказке «О глупом желании» Хасановой Матлубы. Отец героини сказки не объяснял девочке, почему шкатулка её наказала. Но девочка, изжив в себе жадность и эгоизм, научилась радоваться чужому счастью, что привело её и к своему личному состоянию праздника в душе: *«Какова же была её радость,*

*когда она увидела свою подругу выздоровевшей и в том самом платье, что теперь превратило её в принцессу.*

*В этот момент Новогодние фейерверки разукрасили ночное небо, и наступил Новый год, а девочки-подруги были по-настоящему счастливы, ведь мечты сбываются у тех, кто просит от всего сердца, пускай и у старой волшебной шкатулки».*

Как видим, 11-летние дети, когда не только читают сказку, а и когда пишут её, под влиянием установок сказки способны делать выбор в сторону значимых общечеловеческих ценностей. Они понимают, как взрослые авторы, что сказка, передавая исторический опыт культур и народов, проецирует опыт преодоления личностных и социальных кризисов, опыт преобразования – преображения людей в условиях нравственного выбора. Вера в себя ребёнком как в писателя-творца оказывается значимой именно в этот период, когда взрослые, кстати, по древнейшей традиции, не воспринимают детей в статусе «людей». На мой взгляд, в этой губительной практике кроется причина многих девиаций детей. Однако обратим внимание на то, как авторские сказки детей «дорастают» до обобщений, гуманистических универсалий, до представлений о возможности собственного превращения в «важного человека», «доброего человека». Это позволяет констатировать процесс координации и регуляции поведения детей. Как руководитель программы, я могу только на своих занятиях наблюдать этот процесс, лишь отзывы родителей дают мне возможность знать о тех положительных изменениях происходящих в жизни моих сказочников. Обычно мне говорят о том, что ребёнок стал серьезнее относиться к учёбе, вряд ли это показатель наших занятий, но особенно меня радуют сообщения родителей о моих учениках, которые сделали какой-либо важный шаг, например, один из моих выпускников, решил выполнять дома всю

мужскую работу, потому что заболел отец. Для меня это поступок сказочного батыра, о котором мой сказочник когда-то писал.

Моя позиция как педагога такова: авторская сказка даёт не сиюминутный результат, она помогает зафиксировать некий стартовый уровень ребёнка и является неременным условием сказочного и реального становления личности. В сказке ребёнка волшебное часто случается внутри пространства повседневности, в этом находится потенциал принятия мира и себя в этом мире, потенциал гармонизации ребёнком реальности и своего внутреннего «Я».

### Список литературы

1. Мулляр Л.А. Сказка, мыслящая человека (философско-антропологические конфигурации «Снежной королевы» Г.Х. Андерсена) // Россия. Культура. Будущность. Идентичность в современной культуре: феномен и теоретико-методологические аспекты исследования»: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Челябинск: Челябинский Институт Уральской Академии Государственной службы, 2005. 168 с.
2. Пропп В.Я. Морфология сказки. М.: Знание, 1998. 345 с.
3. Мелетинский Е.М. Миф и сказка // Фольклор и этнография. Л.: Мысль, 1970. 218 с.
4. Овчинникова Л.В. Русская литературная сказка XX в.: история, классификация, поэтика. М.: Наука, 2001. 423 с.

*Сведения об авторе:*

*Терентьев Алексей Анатольевич, старший методист, БОУ ДО г. Омска «Центр развития детей и юношества «Амурский», г. Омск, Россия, email: alekseyanatolevich.terentev.78@mail.ru*

*Terentev A.A., senior methodologist, BOU DO Omsk «The center for the development of children and youth «Amursky», Omsk, Russia, email: alekseyanatolevich.terentev.78@mail.ru*